

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

УДК 159.99

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-54-64>

VYQRDQ

Готовность к риску как личностное свойство саморегуляции: кросскультурный подход

Юлия В. Селезнева , Анастасия Ю. Тарасова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

yulya.selezneva@gmail.com

Аннотация

Введение. Высокий уровень стрессогенности и неопределённости современного мира требует исследования личностных ресурсов человека и выявления условий, повышающих возможности саморегуляции. Статья посвящена изучению готовности к риску как свойства саморегуляции у представителей различных этнокультурных групп. Готовность к риску – это личностная характеристика, выступающая в качестве адаптационного ресурса в ситуации неопределённости и требующая актуализации личностного и интеллектуального потенциала субъекта.

Цель. Изучение готовности к риску как личностного свойства саморегуляции у представителей различных этнокультурных групп.

Материалы и методы. Методический инструментарий исследования включал: «Личностные факторы принятия решений» (Т. Н. Корнилова); «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98 (В. И. Моросанова); «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева; «Тест жизнестойкости» (Salvatore R. Maddi, D. M. Khoshaba) в адаптации Д. А. Леонтьева; Томский опросник ригидности (Г. В. Залевский); Мельбурнский опросник принятия решений (в адаптации Т. В. Корниловой). Математическая обработка данных осуществлялась с помощью статистических критериев U-Манна-Уитни, Н-Краскуала-Уолеса и коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты исследования. В области личностных ресурсов саморегуляции (смысложизненных ориентаций, жизнестойкости) различия не были обнаружены, однако в отношении стратегий принятия решений были зафиксированы статистически достоверные различия по шкалам «Рациональность» и «Готовность к риску». В изучаемых группах у респондентов с высокими показателями по шкале «Готовность к риску» были зафиксированы различия по шкалам саморегуляции, относящиеся к личностным механизмам саморегуляции («Гибкость», «Самостоятельность»). В отношении представителей чеченской этнической группы значимые различия были зафиксированы по шкалам: «Планирование», «Программирование», «Гибкость», «Самостоятельность», «Общий уровень саморегуляции». По результатам корреляционного анализа во всех группах (армяне, чеченцы, русские) зафиксированы положительные связи между шкалой «Готовность к риску» и шкалами «Гибкость», «Самостоятельность».

Обсуждение результатов. Результаты исследования существенно обогащают представления о ресурсах саморегуляции, позволяя по-новому рассмотреть этнокультурный потенциал. Изучение психологических феноменов во взаимосвязи с этническим своеобразием представляет перспективное направление современных исследований. В нашем исследовании обосновывается тезис о том, что готовность к риску может выступать в качестве адаптационного ресурса и обеспечивать эффективность процессов саморегуляции.

Ключевые слова: готовность к риску, рациональность, самоконтроль, саморегуляция, этнос, жизнестойкость, смысловые ориентации

Для цитирования. Селезнева, Ю. В., и Тарасова, А. Ю. (2024). Готовность к риску как личностное свойство саморегуляции: кросскультурный подход. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(5), 54–64. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-54-64>

Risk-Taking as a Personality Trait of Self-Regulation: a Cross-Cultural Approach

Julia V. Selezneva , Anastasia Yu. Tarasova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 yulya.selezneva@gmail.com

Abstract

Introduction. The high level of stress and uncertainty of the modern world requires the study of a person's personal resources and the identification of conditions that increase the possibilities of self-regulation. The article is devoted to the study of risk readiness as a property of self-regulation among representatives of various ethnocultural groups. Risk appetite is a personal characteristic that acts as an adaptive resource in a situation of uncertainty and requires the actualization of the personal and intellectual potential of the subject.

Objective. Study of risk appetite as a personal property of self-regulation among representatives of various ethno-cultural groups.

Materials and Methods. Problem is studied with using such methods: "Personal factors of decision-making" (T. N. Kornilova); "Style of self-regulation of behavior – SSP-98" (V. I. Morosanov); "Meaning-life orientations" by D. A. Leontiev; "Personal Views Survey, PVS III-R" (Salvatore R. Maddi, D. M. Khoshaba) in the adaptation of D. A. Leontiev; Tomsk rigidity questionnaire (G. V. Zalevsky); The Melbourne Decision Making Questionnaire (MDMQ) (in the adaptation of T. V. Kornilova). Mathematical data processing was carried out using the statistical criteria of U-Mann-Whitney, N-Kraskual-Wales and the Pearson correlation coefficient.

Results. In the field of personal resources of self-regulation (meaning-life orientations, resilience), no differences were found, however, with respect to decision-making strategies, statistically significant differences were recorded on the Rationality and Risk Readiness scales. In the studied groups, respondents with high scores on the "Risk Readiness" scale recorded differences in self-regulation scales related to personal mechanisms of self-regulation ("Flexibility", "Independence"). In relation to representatives of the Chechen ethnic group, significant differences were recorded on the following scales: "Planning", "Programming", "Flexibility", "Independence", "General level of self-regulation". According to the results of the correlation analysis, all groups (Armenians, Chechens, Russians) recorded positive links between the "Risk Readiness" scale and the "Flexibility" and "Independence" scales.

Discussion. The results of the study significantly enrich the ideas about the resources of self-regulation, allowing us to consider the ethno-cultural potential in a new way. The study of psychological phenomena in conjunction with ethnic originality represents a promising area of modern research. Our study substantiates the thesis that risk readiness can act as an adaptive resource and ensure the effectiveness of self-regulation processes.

Keywords: risk appetite, rationality, self-control, self-regulation, ethnos, resilience, meaning-life orientations

For Citation. Selezneva, Yu. V. and Tarasova, A. Yu. (2024). Risk-taking as a personality trait of self-regulation: a cross-cultural approach. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(5), 54–64. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-5-54-64>

Введение

Обращение к современной социокультурной ситуации позволяет описать ускорение темпов жизни, катастрофически быстрое развитие глобальных мировых процессов, увеличение непредсказуемости и стрессогенности явлений социальной жизни. В психологических исследованиях вызовы неопределенности и сложности часто описываются как разрушительные вызовы шока будущего (Петровский, 2021), которые затрудняют адаптацию человека и обуславливают развитие ряда негативных состояний. Однако, заметим, что неопределённость, как психологический и социальный феномен, помимо негативного может оказывать и позитивное влияние. Это происходит через активизацию и перестройку регуляторных механизмов, повышение психологической устойчивости за счет необходимости часто изменять привычные программы поведения в соответствии с изменяющимися условиями среды, проявление неадаптивной активности и выработку новых личностных ресурсов. Таким образом, ситуацию неопределённости можно описать как особую познавательную практику для человека, включающую в себя осмысление новых явлений действительности; эмоциональную оценку на основе субъективного восприятия и личного переживания; структурирование нового опыта. По мере роста неопределенности, усложнения и непредсказуемости современного мира в фокусе социально-психологических исследований все больше изучаются проблемы личностных ресурсов человека, механизмов совладения со сложностью, особенностей адаптации человека к новой реальности. Учитывая высокую интенсивность потоков информации, трудности прогнозирования и планирования, высокую стрессогенность современного мира, большое количество зарубежных и отечественных исследователей в качестве детерминант устойчивости человека определяют возможности саморегуляции (Моросанова, 2021), жизнестойкость (Maddi & Kobasa, 1984), личностный потенциал (Леонтьев, 2016). Сегодня появились новые направления психологии, задающие новые подходы в понимании человека: психология неопределенности (Канеман, 2014; Талеб, 2014), психология социальной нестабильности и цифровой социализации личности (Солдатова и др., 2017), психология выбора (Леонтьев, 2019), персонология неадаптивного поведения (Петровский, 2021), системная антропологическая психология и психология самоорганизации психологических систем (Клочко, 2015).

Во многом данные направления являются для нас базовыми и задают общий дизайн нашего исследования. Обращаясь к идеям Ключко (2005) о многомерном пространстве жизни, следует отметить, что субъект в понимании автора является сложной открытой самоорганизующейся системой. В случае, когда система испытывает на себе сложные неспецифические воздействия, извне проявляются эффекты самоорганизации. Таким образом, «процессы самоорганизации представляют собой сложное сочетание целенаправленности и спонтанности, автономности и зависимости» (Ключко, 2005, с. 17). И далее «психика и сознание – это не органы управления, вмонтированные в человека, не аппараты регуляции, подчиняющие человека, не средства ориентации, опирающиеся на присущую им способность к отражению среды. Психика (сознание) – это то, с помощью чего система (человек) оказывается открытой, т. е. способной к избирательному взаимодействию со средой на основе превращения ее в многомерный мир человека, порождение которого (становление) является предпосылкой устойчивого (осмысленного, реалистического, действенного) бытия человека в непрерывно создаваемом им самим жизненным пространстве» (Ключко, 2005, с. 17). Данный методологический тезис является для нас принципиально важным в понимании сущности человека, его возможностей в построении собственной целостности.

В ситуации сложности, непредсказуемости мир все больше дифференцируется на людей, готовых принимать и «практиковать» сложность, либо склонных к упрощению, способных принимать решения и действовать в ситуации неопределённости или же проявлять тревогу перед неопределённостью будущего. Закономерное усложнение жизненного пространства приводит к тому, что человек постепенно обретает такое личностное качество, как открытость опыту, готовность к изменениям. Данная характеристика, на наш взгляд, взаимосвязана с возможностью и способностью человека действовать в условиях негарантированного результата, принимать риск и быть готовым к нему. В концепции «надситуативной активности» Петровский (2021) готовность к риску связывается с возможностью человека быть активным на уровне ценностного отношения к риску в отношении предметного мира, мира людей, собственного внутреннего мира. Каждое из этих трех пространств может содержать потенциальный риск как своего рода готовность субъекта познавать границы и возможности своего «Я», предметного мира и мира взаимоотношений с другими людьми. Важным методологическим принципом проявления риска автор считает выход человека за пределы наличных требований. Так, противоположные тенденции (избегание угроз и стремление к опасности) задают некоторое пространство неадаптивности и в каждом случае связаны с испытанием и «пробой себя» (Асмолов, 2018). Важно отметить, что в условиях развития теоретических подходов к феномену риска наблюдается позитивное переосмысление данного концепта: риск как условие самоконтроля, как познавательная активность, опосредованная различными личностными механизмами и проявляющаяся на уровне когнитивных стилей и интеллектуальных стратегий. Современные исследования психологии риска позволяют нам трактовать данное явление в контексте личностного усилия, стремления к реализации своего потенциала в ситуации неопределённости всеми доступными средствами.

Впервые готовность к риску как свойство саморегуляции начинает рассматривать Корнилова (2003) в рамках своей концепции интеллектуально-личностной регуляции. В рамках данного подхода саморегуляция – это прежде всего намеренное изменение поведения субъекта, управление психическими процессами, состояниями под влиянием изменяющихся условий среды. В рамках данного подхода понятие саморегуляции выходит за пределы управления когнитивными функциями и рассматривается как интегративный феномен. Изучая особенности регуляции в процессе принятия решений и реализацию выбора, автор представляет модель, в которой особую роль (помимо интеллектуальной регуляции) занимают такие личностные аспекты, как активность субъекта (в осуществлении выбора и принятии ответственности и риска как ситуации неопределённости и негарантированного результата; в построении образа ситуации). В представленной концепции автор подчёркивает, что в ситуации неопределённости, при осуществлении выбора и принятии решений, когнитивные процессы (интеллектуальная ориентировка в ситуации, построение прогнозов на основе анализа, оценка результатов выбора) максимально свернуты. В данной концепции готовность к риску – это личностная характеристика, во многом помогающая преодолеть неопределённость и совершить выбор, готовность актуализировать свой личностный и интеллектуальный потенциал в ситуации сложных неоднозначных решений, недостаточности информации.

На сегодняшний день подходы к исследованию саморегуляции сфокусированы на изучении саморегуляции как метаресурса (Моросанова, 2021), как контроля исполнительных когнитивных функций (Zalazo, 2022), и смысловой саморегуляции как перестройки личностных смыслов (Леонтьев, 2016). Моросанова (2021) теоретически и эмпирически обосновала идею о существовании стилей саморегуляции – типичного способа личностной регуляции, который устойчиво проявляется в различных видах психической активности человека. В данном подходе в структуре саморегуляции В. И. Моросанова выделяет личностные характеристики, такие как автономность, способность к преодолению трудностей, креативность, самостоятельность, гибкость и операционально-технические: способность планировать, корректировать программы действий, оценивать результат. Личностные характеристики во многом определяют масштаб целей и способы их достижения. Таким образом, регуляторные личностные свойства могут выступать в качестве предикторов в формировании индивидуального стиля саморегуляции.

Методологической основой для нашего исследования стала концепция Корниловой (2014). По мнению автора риск в принятии решений понимается как способ преодоления ситуации неопределённости (Корнилова, 2014). Риск в данном случае рассматривается в рамках общей готовности человека осуществлять выбор в ситуации не-

определенности и понимается как свойство личностной регуляции. «Принятие риска – акт интеграции на уровне самосознания личности мотивационных предпосылок и репрезентаций свойств ситуации, которое включает субъективное принятие риска (Корнилова, 2003, с. 130). В этом смысле готовность к риску сопряжена с личностным усилием и самоопределением субъекта. Осуществляя действие таким образом, человек как бы снимает и снижает градус неопределенности и в этом смысле «снятие неопределённости ситуации есть более значимая цель, чем реализация выбора» (Корнилова, 2003, с. 146). Следовательно, **целью** нашего исследования является изучение готовности к риску как личностного свойства саморегуляции у представителей различных этнокультурных групп.

Материалы и методы

В психодиагностический инструментарий исследования вошли следующие методики:

1. «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» (Моросанова, 1998);
2. «Личностные факторы принятия решений» (Корнилова, 2004);
3. «Смысложизненные ориентации» (Леонтьев, 1992);
4. «Тест жизнестойкости (Hardiness Survey) С. Мадди (Salvatore R. Maddi, D. M. Khoshaba)» в адаптации Д. А. Леонтьева (Леонтьев и Рассказова, 2006);
5. Томский опросник ригидности (Залевский, 1993);
6. Мельбурнский опросник принятия решений (Корнилова, 2013).

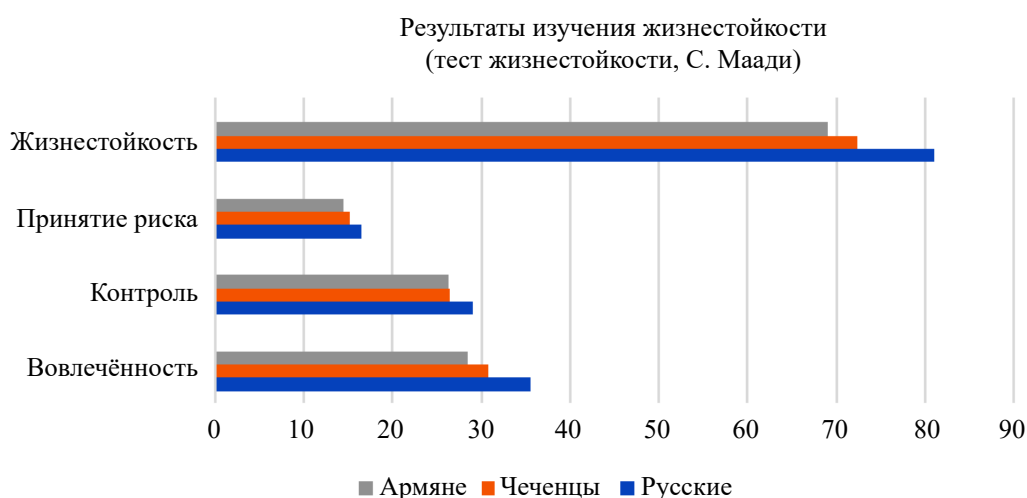
В целях изучения личностных ресурсов саморегуляции были использованы методики «Смысложизненные ориентации» и «Тест жизнестойкости». На наш взгляд, способность субъекта конструировать образ будущего, ставить цели, испытывать удовлетворенность настоящим, оценивать свою жизнь как результативную, а также ощущать себя способным к контролю и управлению событиями собственной жизни во многом обеспечивает возможности саморегуляции. В целях изучения готовности к риску нами были изучены стратегии принятия решений, представленные шкалами «Рациональность» и «Готовность к риску». И, наконец, методика В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции, ССП-98» позволила описать личностные механизмы саморегуляции (шкалы «Гибкость» и «Самостоятельность») и ее операционально-технические характеристики (шкалы «Планирование», «Моделирование», «Программирование» и «Оценка результатов»). Для математической обработки данных применялся статистический U-критерий Манна-Уитни, критерий Краскуала-Уолеса и коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты исследования

Выборку исследования составили представители армянской, чеченской и русской этнических групп (в возрасте от 30 до 65 лет, в общем количестве 292 человека). Представители армянской этнической группы, проживавшие на территории Армении (г. Ереван) – 74 человека; представители чеченской этнической группы (г. Грозный) – 87 человек; представители русской этнической группы (г. Ростов-на-Дону) – 131 человек. На первом этапе исследования были изучены особенности жизнестойкости у представителей армянской, русской и чеченской этнических групп. Нам было важно изучить общие личностные ресурсы саморегуляции, проявляющиеся в жизнестойкости и особенностях смысловых ориентаций, выявить и описать различия в представленных группах.

Рисунок 1

Результаты изучения жизнестойкости у представителей армянской, чеченской и русской этнических групп

Прим.: группа 1 – представители армянской этнической группы, группа 2 – представители чеченской этнической группы, группа 3 – представители русской этнической группы.

На наш взгляд, жизнестойкость как общий ресурс саморегуляции определяет меру и возможность человека быть вовлеченным в происходящее, что позволяет жить полной жизнью, управлять ей и быть убежденным в том, что он всегда располагает возможностями влияния на результат. Кроме того это позволяет принимать риск и быть готовым к действию без надежных гарантий успеха, открытым любому опыту (позитивному/негативному)

воспринимая его как важное составляющее жизненного знания. При высоких значениях по шкале «Готовность к риску» человек склонен рассматривать любой новый опыт, как то, что существенно обогащает жизнь и собственные представления о себе.

Согласно рисунку 1 наблюдаются незначительные различия по всем шкалам между группами 1 (представители армянской этнической группы) и 2 (представители чеченской этнической группы). В данных группах достоверных различий по данной методике выявлено не было. Тогда как значения по шкалам «Общий уровень жизнестойкости» и «Вовлеченность» существенно выше в группе 3 (представители русской этнической группы) – различия значимы на уровне $p = 0,014$ при $p < 0,05$ по U-критерию Манна-Уитни.

По результатам изучения смысловых ориентаций также существенных различий между группами 1 и 2 выявлено не было. Так, в группах 1 (представители армянской этнической группы) и 2 (представители чеченской этнической группы) достоверных различий по шкалам СЖО не выявлено, тогда как в группе 3 (представители русской этнической группы) различия выявлены по шкалам «Цели», «Процесс», «Результат», «Общий уровень». Таким образом, независимо от этнической принадлежности респонденты воспринимают свою жизнь как осмысленную, способны к целеполаганию, проектированию будущего, в большинстве случаев удовлетворены своей жизнью и результатами самореализации.

Таблица 1

Результаты изучения смысловых ориентаций у представителей армянской, чеченской и русской этнических групп

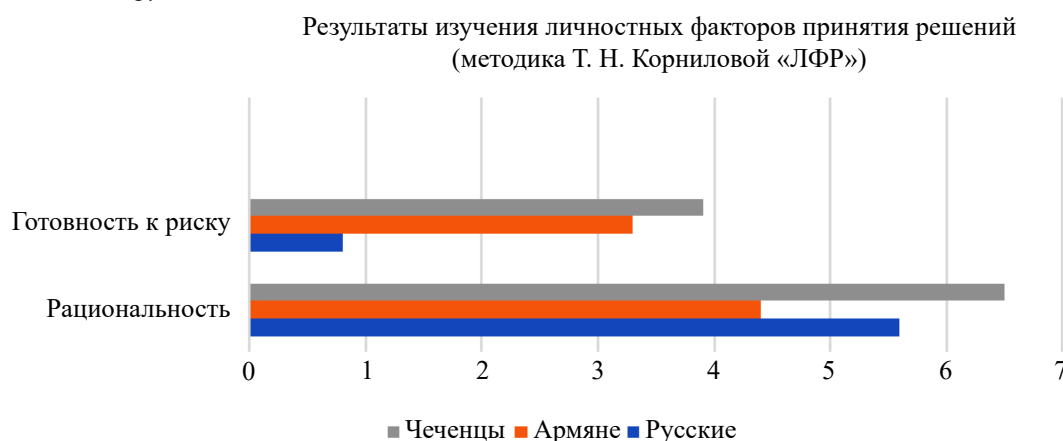
Группы	Цели	Процесс	Результат	Локус контроля - Я	Локус контроля - жизнь	ОЖ
1	27,0	25,4	21,9	18,0	26,9	88,5
2	26,8	25,3	21,6	17,0	25,5	86,0
3	32,4	29,0	25,5	20,8	29,9	101,1

Прим.: где группа 1 – представители армянской этнической группы, группа 2 – представители чеченской этнической группы, группа 3 – представители русской этнической группы.

Цель следующего этапа состояла в анализе особенностей принятий решений (готовности к риску или рациональности) респондентами трех этнических групп и изучении различий в особенностях саморегуляции в зависимости от готовности респондентов к риску.

Рисунок 2

Результаты изучения личностных факторов принятия решений у представителей армянской, чеченской и русской этнических групп

Как видно из рисунка 2 представители чеченской и русской этнических групп в меньшей степени ориентированы на готовность к риску. В нашем исследовании мы понимаем готовность к риску как личностное свойство саморегуляции, которое проявляется в том, что субъект, актуализируя свой личностный потенциал, готов действовать в условиях ограниченной информации и без достаточных гарантий положительного результата. Наименьшие значения были зафиксированы в группе 3 (представители русской этнической группы). Используя H-критерий Крускала-Уоллеса, мы оценили достоверность выявленных различий (таблица 2). Наиболее выраженные различия по шкале «Готовность к риску» были зафиксированы у представителей русской этнической группы (0,791).

С целью проверки гипотезы о взаимосвязи готовности к риску и показателей саморегуляции в каждой группе респондентов были отобраны испытуемые с высокими показателями по шкале «Готовность к риску» и проанализированы их особенности саморегуляции, в том числе ее операциональные и личностные характеристики (таблица 3).

Таблица 2

Средние значения по шкалам методики «Личностные факторы принятия решений» Т. В. Корнилова

Шкалы методики ЛФР	Ср. значение (группа 1)	Ср. значение (группа 2)	Ср. значение (группа 3)	Уровень значимости
Рациональность	4,425	6,487	5,558	0,005**
Готовность к риску	3,342	3,974	0,791	0***

Прим.: Уровень значимости при * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Таблица 3

Сравнительный анализ показателей саморегуляции у респондентов с высокими и низкими значениями по шкале «Готовность к риску»

Высокие значения	Пл	М	Пр	Ор	Г	С	ОУ
армяне	6,3	4,2	5,1	4,8	6,1	5,7	27,1
чеченцы	6,2	4,8	5,8	4,6	6,2	6,3	28,8
русские	5,9	5,2	6,0	5,0	6,2	5,7	29,3
Низкие значения	Пл	М	Пр	Ор	Г	С	ОУ
армяне	5,7	5,0	4,7	5,3	5,5	5,4	27,0
чеченцы	4,8	4,7	4,8	4,8	5,0	4,5	24,2
русские	6,2	5,5	6,0	5,6	5,3	5,0	28,8

Прим.: где Пл – планирование; М – моделирование; Пр – программирование; Ор – оценка результатов; Г – гибкость; С – самостоятельность; ОУ – общий уровень.

Анализ различий в особенностях саморегуляции у респондентов разных этнических групп, имеющих низкие и высокие показатели готовности к риску, позволил сделать следующие выводы: по всем шкалам выявленные значения располагаются в диапазоне среднего уровня, однако, у респондентов всех трех групп, имеющих высокие значения по шкале «Готовность к риску», можно зафиксировать наиболее высокие значения по шкалам саморегуляции. Сравнительный анализ выявленных различий в группе респондентов, имеющих высокие значения по шкале «Готовность к риску» показал, что в группе 2 (представители чеченской этнической группы) достоверно значимые различия были зафиксированы по шкалам «Планирование» (0,006**), «Программирование» (0,016*), «Гибкость» (0,006**), «Самостоятельность» (0,001***), «Общий уровень» (0***). Таким образом, для данной этнической группы готовность к риску выступает адаптационным ресурсом, позволяющим проявлять гибкость, своевременно перестраивать систему саморегуляции в зависимости от требований ситуации, и, в целом, отражает пластичность регуляторных процессов. В группе 3 (представители русской этнической группы) статистически значимые различия были обнаружены по шкалам «Гибкость» (0,013*) и «Самостоятельность». Таким образом, готовность к риску в данной группе в основном взаимосвязана с личностными механизмами саморегуляции. В группе 1 (представители армянской этнической группы) статистически достоверные различия были обнаружены по шкале «Моделирование» (0,04*). Моделирование как операционально-технический механизм саморегуляции также проявляется на уровне осознанности представлений и системе значимых внутренних и внешних условий, а также гибкости в преобразовании этих условий при изменяющихся обстоятельствах. Таким образом, возможности регуляторной автономности, гибкости, независимости в данной этнической группе существенно повышаются при высоких показателях готовности к риску.

В целях подтверждения гипотезы о наличии взаимосвязи между готовностью к риску и показателями саморегуляции был проведен корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Пирсона. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 4.

По результатам корреляционного анализа можно сделать следующие выводы: независимо от этноса готовность к риску положительно взаимосвязана с личностными механизмами саморегуляции (гибкость, самостоятельность). Таким образом, чем выше готовность к риску, тем в большей степени представители армянской, чеченской и русской этнических групп способны проявлять регуляторную автономность, самостоятельность планирования и корректировки задач (шкала «Самостоятельность»), а также способность переключаться, гибко перестраивать систему саморегуляции в зависимости от изменения внешних и внутренних условий (шкала «Гибкость»). При этом следует отметить, что в группе представителей чеченского этноса готовность к риску взаимосвязана также и с операционально-техническим компонентом личностной саморегуляции (Планирование (0,323**) и Программирование (0,253*)) и с общим уровнем саморегуляции (0,309**). Таким образом, готовность к риску у представителей чеченской этнической группы взаимосвязана не только с регуляторной автономностью и гибкостью, а также со сформированностью осознанного планирования, способностью субъекта удерживать

и формулировать цели, разрабатывать планы и программы действий, корректировать их по мере достижения результатов. При этом взаимосвязей со шкалами ригидности в данной этнической группе обнаружено не было. В отношении русской этнической группы интересным результатом стала выявленная взаимосвязь между готовностью к риску и шкалами жизнестойкости (шкалы «Контроль» (0,264**) и «Жизнестойкость» (0,175*)). Так, чем более склонны представители русской этнической группы к проявлению риска, тем в большей степени они проявляют жизнестойкость и способность контролировать события собственной жизни.

Таблица 4
Результаты корреляционного анализа

Показатели		Коэффициент корреляции
Группа 1 (Армяне)		
Готовность к риску	Актуальная ригидность	–0,327**
	Избегание	–0,149*
	Оценка результатов	–0,158*
	Гибкость	0,290**
	Самостоятельность	0,243**
Группа 2 (Чеченцы)		
Готовность к риску	Рациональность	0,267*
	Сверхбдительность	–0,243*
	Планирование	0,323**
	Программирование	0,253*
	Гибкость	0,286**
	Самостоятельность	0,321**
	ОУ саморегуляции	0,309**
Группа 3 (Русские)		
Готовность к риску	Актуальная ригидность	–0,418**
	Контроль	0,264**
	Жизнестойкость	0,175*
	Гибкость	0,346**
	Самостоятельность	0,193*

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,001$.

Обсуждение результатов

Анализируя полученные результаты, мы обратились к концепции этногенеза Л. Н. Гумилева о влиянии факторов культурной среды на психологические особенности представителей различных этносов. Этнос, по мнению автора, представляет собой устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, который существует как единая энергетическая система (Гумилев, 1990; Маслова, 2017). Важными факторами, определяющим своеобразие каждого этноса, является географическая среда, культурные нормы и традиции, соседние этносы и этническое окружение. На наш взгляд полученные результаты (отсутствие значимых различий между представителями армянской и чеченской этнических групп в отношении личностных ресурсов саморегуляции) могут свидетельствовать о том, что представители рассматриваемых этносов, в отличие от представителей русской этнической группы, имеют сходные условия географической среды и этнокультурные установки, сфокусированные на групповых ценностях в противовес индивидуализму, значимости соблюдения и сохранения традиций, устойчивости межпоколенных связей и пр.

Говоря о взаимосвязи жизнестойкости и саморегуляции, следует отметить, что в ряде исследований отечественных авторов обосновывается взаимосвязь жизнестойкости как личностного ресурса и способности человека осуществлять выбор (Леонтьев, 2019). Авторы экспериментально доказывают, что «в ситуации личностного выбора жизнестойкость выступает фактором, определяющим готовность выбирать новую, непривычную ситуацию, ситуацию неопределенности в противовес равнодушному, безличному выбору или выбору привычной и знакомой ситуации» (Леонтьев, 2019, с. 53). В данном исследовании авторы определили жизнестойкость как «один из ключевых параметров индивидуальной способности к зрелым и сложным формам саморегуляции, одну из опорных переменных личностного потенциала» (Леонтьев, 2019, с. 46).

Необходимо заметить, что в зарубежных исследованиях готовность к риску рассматривается во взаимосвязи с личностными характеристиками, в частности с «диспозиционным оптимизмом» как устойчивой чертой харак-

тера (Dohmen et al., 2019). Рассматривая оптимизм как преимущественное сосредоточение на положительных результатах, связанных с риском, авторы отмечают, что склонность концентрироваться на положительных (оптимизм) или отрицательных (пессимизм) результатах влияет на фактическое рискованное поведение человека. Ориентация на позитивные результаты существенно повышает возможности человека принимать риск и действовать в ситуации неопределённости, актуализируя весь свой потенциал. Таким образом, концепция риска в данном исследовании показывает взаимосвязь готовности к риску не столько с тем, насколько человек ориентирован на вероятность позитивного результата, а скорее на чем сфокусировано его внимание и как он относится в целом к своему жизненному опыту. Принятие риска в данном случае взаимосвязано со склонностью концентрироваться на позитивных моментах и положительных результатах.

В отечественных исследованиях интересна концепция риска Т. Н. Корниловой, разработанная в рамках общего научного подхода психологии выбора и изучения интеллектуально-личностного потенциала человека. Автор, раскрывая понятие риска в ситуации неопределённости отмечает, что снятие неопределенности в принятии решений часто становится более значимой задачей для человека, чем реализация выбора (Корнилова, 2014). В рамках этого подхода подчеркивается значимость задачи преодоления неопределённости как акта выбора, как интеллектуальных стратегий человека и возможного «риска в мышлении» (Корнилова, 2003). Таким образом, помимо понимания риска как следствия неполноты ориентировки в ситуации и характеристики риска как импульсивности в процессах принятия решений, задается еще один вектор: риск как «личностное принятие вызовов со стороны условий неопределённости» (Корнилова, 2003, с. 176). Данный методологический подход является важной теоретической базой для нашего исследования, позволяющей рассмотреть риск как способ конструирования человеком образа мира и себя в нем.

В рамках взаимосвязи готовности к риску и преодоления неопределённости интересно исследование Е. В. Шлыковой. В данном исследовании автор исследует готовность к риску как один из способов взаимодействия с ситуацией неопределённости (Шлыкова, 2021). На базе анализа данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» автор выдвигает гипотезу о связи готовности к риску взрослого населения России с показателями скорости и успешности адаптации к условиям неопределённости. По результатам данного исследования на субъективную оценку готовности к риску влияют пол, возраст и уровень социального самочувствия респондентов. Исследователи русского этноса и этнических характеристик русского человека, отмечая необъятность, всеохватность, недифференцированность природных ландшафтных условий связывают готовность к риску с характером и «душой русского человека»: масштаб пространств и в то же время беспомощность перед ними, широта земель как «экстенсивность» душевной организации. Так Н. А. Бердяев отмечает, что «есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной» и далее «у русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы» (Бердяев, 1997, с. 5).

Необходимо заметить, что целое направление зарубежных исследований сфокусировано на исследованиях мозга в аспекте принятия решения и волевых процессов. Так, Н. Liljenström с целью объяснения процессов, опосредующих принятие решений подчеркивает и экспериментально доказывает роль эмоциональных процессов и соответствующих структур мозга (миндалевидного тела и префронтальной коры) в выборе стратегий принятия решений (Hans, 2021). Результаты данного исследования подтверждают факт того, что в ситуации необходимости принятия решений при дефиците времени, доминируют эмоциональные процессы, в то время как интеллектуальная ориентировка может привести к задержке принятия решений. Необходимо заметить, что, безусловно, эмоции участвуют в процессе принятия решений и, в отличие от интеллектуальных процессов, в большей степени включаются в ситуации недостаточности времени и информационных перегрузок, в ситуации принятия решений на основе моральных суждений (выступая как основа выбора и представляя собой проявление глубинных желаний и потребностей); в ситуации недостаточности информации (эмоции как интуиция). Однако, влияние мозга на выбор стратегий принятия решений (в аспекте готовности к риску) ограничено. Отдельные центры мозга, такие как вентромедиальная префронтальная кора (обработка эмоциональных реакций человека, включая риск и страх), латеральная префронтальная кора (планирование, рациональность, исполнительные функции) вентральный стриатум (получение удовольствия и вознаграждения) являются скорее основой для выбора тех или иных стратегий, но проявление индивидуальных особенностей принятия решений (связанных или не связанных с проявлением риска) скорее требует личностных усилий и в большей степени может быть взаимосвязано с фокусом и направленностью внимания, как основы волевого усилия, преодолением себя в ситуации неопределённости.

Отдельная группа исследований представлена изучением личностных характеристик человека в соотношении с этническим своеобразием. Так, Т. Н. Банщикова с коллегами, раскрывая особенности взаимосвязи саморегуляции и толерантности к неопределенности с субъективным благополучием у молодых людей разных этнических групп, подтвердили обусловленность данных характеристик культурным контекстом (Банщикова и др., 2021). Так, у русских респондентов был зафиксирован профиль с гармоничной структурой (выраженность общего уровня саморегуляции), тогда как для карачаевцев, черкесов и осетин характерен акцентуированный профиль, проявляющийся в стремлении к четкому программированию своих действий, наличия алгоритма действий. Также, интересные результаты были получены относительно различий в толерантности к неопределённости у представителей различных этнокультурных групп: в рамках данного исследования эмпирически было доказано, что ме-

нее толерантны к неопределенности молодые люди из южных республик, в большей степени ориентированные на соблюдение традиций и склонные в ситуации неопределенности решать задачи в «готовом виде». Таким образом, этническое своеобразие во многом задает этнокультурный ресурс, определяющий возможности адаптации, что также подтверждают результаты нашего исследования.

Необходимо заметить, что в целом в зарубежных исследованиях понятие «саморегуляция» (self-regulation) часто употребляется в контексте смежного «самоконтроль» (self-control). Так в исследовании Wang, J. и Sun, Y. о взаимосвязи самоконтроля, отношения ко времени и академической прокрастинации у студентов, подтвердился фактор того, что саморегуляция и самоконтроль могут выступать предикторами, определяющими взаимосвязь между отношением ко времени и прокрастинацией (Wang & Sun, 2023). Студенты, которые при принятии решений оптимистичны в отношении будущих результатов и в целом ориентированы на будущее, будут регулировать свое текущее поведение (self-control) так, чтобы добиваться долгосрочных целей, тем самым снижая риск прокрастинации (Wang & Sun, 2023). Таким образом, расширяются представления о личностных ресурсах саморегуляции и подтверждается факт, что отношение ко времени во многом определяет возможности саморегуляции и в этом смысле может рассматриваться как личностный ресурс.

Описывая ресурсы саморегуляции в одной из статей, Д. А. Леонтьев, помимо ресурсов устойчивости (особенности ценностно-смысловой сферы), мотивационных, инструментальных и психологических ресурсов (толерантность к неопределенности, склонность к риску, полнезависимость, рефлексия, параметры временной перспективы и пр.) выделяет универсальные ресурсы саморегуляции, которые призваны компенсировать дефицит ресурсов устойчивости в экстремальных жизненных обстоятельствах (Леонтьев, 2016). Так, автор формулирует общий экзистенциальный закон: «дефицит любого ресурса повышает эффективность его использования» (Леонтьев, 2016, с. 24). Потеря стабильности сегодня – это фактор, который приводит человека к кризису, а вместе с ним к развитию. Это и есть те самые универсальные ресурсы, о которых писал Д. А. Леонтьев, ресурсы, которые отражают дефицит возможностей и тем самым увеличивают силу потенциала действия. На наш взгляд, готовность к риску – это личностная характеристика, задающая новые возможности адаптации, взаимосвязанная с актуализацией личностного усилия и личностного потенциала, с восприятием неудач не как фактора снижающего возможность действия, а скорее как опыта, из которого можно извлечь смысл и изменить траекторию движения. Это особое состояние «сензитивности к невозможному» которое позволяет человеку быть «подвижным в подвижном» (Асмолов, 2018). Так, раскрывая процессуальную природу личности, С. Н. Костромина отмечает, что личность как сложная саморазвивающаяся система обладает всеми признаками «неравновесности»: усложнение системы личности приводит к ее новой функциональной организации и структурной упорядоченности, к росту ее устойчивости. Так, автор отмечает, что «каждая возникшая ступень функциональной организации личности – период ее устойчивости (структурной упорядоченности) – несет в себе «зародыш» дальнейшего изменения» (Костромина, 2021, с. 23). Процессуальный подход, таким образом, ориентированный на изучение специфики образования новых структур или «потенциально возможного» направлен прежде всего на изучение «не существующего, а возникающего» (Костромина, 2021, с. 23). В этом сложность и масштаб психологического знания на этапе развития пост неклассической психологии.

Заключение. Результаты проведенного исследования существенно обогащают представления о ресурсах саморегуляции, позволяют по-новому рассмотреть этнокультурный потенциал для представителей различных этнических групп. Изучение психологических феноменов во взаимосвязи с этническим своеобразием представляет важное и перспективное направление современных исследований. В нашем исследовании обосновывается тезис о том, что готовность к риску может выступать в качестве адаптационного ресурса и обеспечивать эффективность процессов саморегуляции.

Список литературы

- Асмолов, А. Г. (2018). *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. Издательский Дом ЯСК.
- Банщикова, Т. Н., Соколовский, М. Л., и Коростелева, Т. В. (2022). Саморегуляция и толерантность к неопределенности как ресурсы субъективного благополучия современной молодежи: кросс-культурный аспект. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 19(4), 717–743. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-717-743>
- Бердяев, Н. А. (1997). *Русская идея*. Азбука-классика.
- Гумилев, Л. Н. (1990). *Этногенез и биосфера земли*. Гидрометеоиздат.
- Залевский, Г. В. (1993). *Психическая ригидность в норме и патологии*. ИТУ.
- Канеман, Д. (2014). *Думай медленно, решай быстро*. АСР.
- Клочко, В. Е. (2005). *Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансперспективный анализ)*. Томский государственный университет.
- Клочко, В. Е., и Клочко, Ю. В. (2015). Человек: открытая система в закрытой среде. *Сибирский психологический журнал*, 57, 6–16.
- Корнилова, Т. В. (2003). *Психология риска и принятия решений*. Аспект Пресс.
- Корнилова, Т. (2013). Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация. *Психологические исследования*, 6(31). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i31.671>

- Корнилова, Т. В. (2014). Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора. Психологические исследования, 7(36). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i36.611>
- Леонтьев, Д. А. (1992). *Тест смысловых ориентаций (СЖО)*. Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, 62, 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>
- Леонтьев, Д. А., и Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. Смысл.
- Леонтьев, Д. А., Овчинникова, Е. Ю., Рассказова, Е. И., и Фам, А. Х. (2019). *Психология выбора*. Смысл.
- Маслова, Е. К. (2017). Теория этногенеза Л.Н. Гумилева в контексте постнеклассической рациональности. *Вестник Томского государственного университета*, 419, 160–164. <https://doi.org/10.17223/15617793/419/2>
- Моросанова, В. И. (1998). *Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека*. Наука.
- Моросанова, В. И. (2021). Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 3–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>
- Петровский, В. А. (2021). Человек над ситуацией. Северный Паломник.
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., и Нестик, Т. А. (2017). *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность*. Смысл.
- Талеб, Н. (2014). *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. Азбука-Аттикус.
- Шлыкова, Е. В. (2021). Готовность к риску как адаптационный ресурс: субъективные оценки взрослого населения России. *Социологическая наука и социальная практика*, 9(4), 61–77. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8606>
- Dohmen, T., Quercia, S., & Willrodt, J. (2019). *Willingness to take risk: The role of risk conception and optimism*. SOEPpapers.
- Grenier, S., Barrette, A. M., & Ladouceur, R. (2005). Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, 39(3), 593–600. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.02.014>
- Jumana, Y. (2021). Breaking Beyond the Borders of the Brain: Self-Control as a Situated Ability. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.617434>
- Kostromina, S. N. (2021). Classic “Paradox of Personality”: Is there a theoretical and methodological basis for a solution? *New Psychological Research*, 1(2), 7–30. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01
- Liljenström, H. (2021). Consciousness, decision making, and volition: freedom beyond chance and necessity. *Theory in Biosciences*, 141(2), 125–140. <https://doi.org/10.1007/s12064-021-00346-6>
- Maddi, S., & Kobasa, S. (1984). *The Hardy Executive: Health under Stress*. Dow Jones-Irwin.
- Wang, J., & Sun, Y. (2023). Time flies, but you’re in control: the mediating effect of self-control between time attitude and academic procrastination. *BMC Psychology*, 11(1), 393. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01438-2>
- Zelazo, D., & Flores, H. (2022). *Self-Regulation and Executive Function. Handbook of Special Education Research (1st ed.)*. Taylor & Francis Group. <https://doi.org/10.4324/9781003156857>

References

- Asmolov, A. G. (2018). *Mobilis in mobili: personality in an era of change*. YASK Publishing House. (In Russ.)
- Banshchikova, T. N., Sokolovsky, M. L., and Korosteleva, T. V. (2022). Self-regulation and tolerance to uncertainty as resources of subjective well-being of modern youth: cross-cultural aspect. *The Bulletin of the Russian University of Friendship of Nations. Series: Psychology and Pedagogy*, 19(4), 717–743. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-717-743> (In Russ.)
- Berdyaev, N.A. (1997). *Russian idea*. Publ. Azbuka (In Russ.)
- Dohmen, T., Quercia, S., & Willrodt, J. (2019). *Willingness to take risk: The role of risk conception and optimism*. SOEPpapers.
- Grenier, S., Barrette, A. M., & Ladouceur, R. (2005). Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, 39(3), 593–600. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.02.014>
- Gumilev, L. N. (1990). *Ethnogenesis and the Biosphere*. Publ. Hydrometeoizdat (In Russ.)
- Jumana, Y. (2021). Breaking Beyond the Borders of the Brain: Self-Control as a Situated Ability. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.617434>
- Kahneman, D. (2014). *Think slowly, decide quickly*. ASAR
- Klochko, V. E. (2005). *Self-organization in psychological systems: problems of the formation of the mental space of the individual (introduction to prospective analysis)*. Tomsk State University. (In Russ.)
- Klochko, V. E., and Klochko, Yu. V. (2015). Human: an open system in a closed environment. *Siberian Psychological Journal*, 57, 6–16. (In Russ.)
- Kornilova, T. (2013). Melbourne Decision Making Questionnaire: Russian-language adaptation. *Psychological research*, 6(31). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i31.671> (In Russ.)
- Kornilova, T. V. (2003). *Psychology of risk and decision-making*. Publ. Aspekt-Press. (In Russ.)
- Kornilova, T. V. (2014). Prospects for a dynamic paradigm in the psychology of choice. *Psychological research*, 7(36). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i36.611> (In Russ.)
- Kostromina, S. N. (2021). Classic “Paradox of Personality”: Is there a theoretical and methodological basis for a solution? *New Psychological Research*, 1(2), 7–30. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2021_01_02_01 (In Russ.)

- Leontiev, D. A. (1992). *Meaningful Lifetime Orientation Test (LCOT)*. Publ. Smysl. (In Russ.)
- Leontiev, D. A. (2016). Self-regulation, resources and personal potential. *Siberian Psychological Journal*, 62, 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3> (In Russ.)
- Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). *Personal Views Survey test*. Publ. Smysl. (In Russ.)
- Leontiev, D. A., Ovchinnikova, E. Yu., Rasskazova, E. I., and Fam, A. Kh. (2019). *Psychology of choice*. Publ. Smysl. (In Russ.)
- Liljenström, H. (2021). Consciousness, decision making, and volition: freedom beyond chance and necessity. *Theory in Biosciences*, 141(2), 125–140. <https://doi.org/10.1007/s12064-021-00346-6>
- Maddi, S., & Kobasa, S. (1984). *The Hardy Executive: Health under Stress*. Dow Jones-Irwin.
- Maslova, E. K. (2017). L.N. Gumilev's theory of ethnogenesis in the context of post-nonclassical rationality. *Bulletin of Tomsk State University*, 419, 160–164. <https://doi.org/10.17223/15617793/419/2> (In Russ.)
- Morosanova, V. I. (1998). *Individual style of self-regulation: phenomenon, structure and functions in arbitrary human activity*. Publ. Nauka (In Russ.)
- Morosanova, V. I. (2021). Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and solving life problems. *Moscow University Bulletin. Episode 14. Psychology*, 1, 3–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01> (In Russ.)
- Petrovsky, V. A. (2021). *The person above the situation*. Publ. Severnyy Palomnik (In Russ.)
- Shlykova, E. V. (2021). Risk readiness as an adaptive resource: subjective assessments of the adult population of Russia. *Sociological Science and Social Practice*, 9(4), 61–77. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8606> (In Russ.)
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., & Nestik, T.A. (2017). *Russia's Digital Generation: Competence and Security*. Publ. Smysl. (In Russ.)
- Taleb, N. (2014). *Antifragile. How to benefit from the chaos*. Publ. Azbuka-Atticus, 2014.
- Wang, J., & Sun, Y. (2023). Time flies, but you're in control: the mediating effect of self-control between time attitude and academic procrastination. *BMC Psychology*, 11(1), 393. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01438-2>
- Zalevsky, G. V. (1993). *Mental rigidity is normal and pathological*. Publ. ITU (In Russ.)
- Zelazo, D., & Flores, H. (2022). *Self-Regulation and Executive Function// Handbook of Special Education Research (1st ed.)*. Taylor & Francis Group. <https://doi.org/10.4324/9781003156857>

Об авторах:

Юлия Викторовна Селезнева, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1000), yulya.selezneva@gmail.com

Анастасия Юрьевна Тарасова, аспирант, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1000), na.design91@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Yulia Viktorovna Selezneva, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor of the General and Consultative Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1000), yulya.selezneva@gmail.com

Anastasia Yurievna Tarasova, postgraduate, Don State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1000), na.design91@gmail.com

Conflict of interest: the authors do not have any conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию/received 02.06.2024

Поступила после рецензирования/revised 24.09.2024

Принята к публикации/accepted 24.09.2024